

IV

ПРЕЛЮДИЯ К ИЗГНАНИЮ

Не следует представлять дело так, что до начала 1880-х годов идеи марксизма были неизвестны читающей публике в России. Сам Маркс, не без сарказма, заметил в одном письме: «Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся... всегда были моими „благодетелями“»¹. В 1848 году и много лет спустя произведения Маркса и Энгельса можно было ввозить легально, поскольку, по заключению цензора, они представляли собой «абстрактные рассуждения», не имеющие отношения к России². Репутация Маркса у русских радикалов была такова, что, когда позднее правительство запретило дальнейший провоз некоторых его произведений, подпольные гектографы и типографии революционеров постарались восполнить этот пробел.

Уже в 1840-х годах произведения Маркса были известны интеллектуалам из кружка Герцена и Белинского. Влиятельный журнал «Современник», под редакцией Чернышевского, опубликовал изложение и защиту взглядов Энгельса на «положение рабочего класса в Англии». В 1860-х годах Ткачев заявил, что вряд ли кому-либо удастся оспаривать основные принципы марксистского исторического материализма. Бакунин присоединился к его мнению и именно он, несмотря на личную антипатию к Марксу, сделал первый русский перевод «Коммунистического манифеста» в 1869 году. Что касается «Капитала», он был переведен на русский язык ранее, чем на все другие языки (1872), и за полгода была продана тысяча экземпляров книги. При этом, по свидетельству автора, появление ее в Германии было встречено полным молчанием³, а публикация в России вызвала оживленные дискуссии.

В середине семидесятых годов Н. И. Зибер выпустил в России свою работу «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», в которой выражал одобрение основной экономической теории Маркса. Как на кафедре в Киеве, так и в статьях в журнале «Слово» Зибер пропагандировал экономические идеи Маркса. Интерес к Марксу также отразился во время политических процессов

1870-х годов, в ходе которых были выявлены свидетельства о публикации, распространении и изучении трудов Маркса. Когда некто Жуковский* в 1877 году выступил в печати с нападками на Маркса, в его защиту на страницах популярного журнала «Отечественные записки» поднялись и Н. И. Зибер, и писатель-народник Н. К. Михайловский.

Однако это вовсе не означает, что в России до 1880 года были истинные марксисты. До 1882 года отношение радикальных русских мыслителей к Марксу не было однозначным; не было никого, кто был бы готов принять марксизм в целом, со всеми его экономическими, политическими, социологическими и философскими положениями. Одни, как Беллинский, были знакомы лишь с отдельными положениями раннего марксизма. Чернышевский, знавший по крайней мере одну значительную работу Энгельса, ни при каких обстоятельствах не мог считаться марксистом⁴. Ткачев, который пел дифирамбы историческому материализму, проповедовал такие политические и общественные взгляды, что Энгельс разразился острой критикой в его адрес. Лавров включал в свою систему элементы марксизма, но считал социологию и философию Маркса непоследовательными. Зибер, полностью принимавший экономическую теорию Маркса, был либералом в политике. А Бакунин, открыто примкнувший к марксистскому материализму, ожесточенно критиковал марксистские партии с их тактикой. Точно так же члены организации «Народная Воля», имевшие мало общего с тогдашними социал-демократическими партиями на Западе, писали Марксу: «Класс передовой интеллигенции России, всегда внимательно следящий за идейным развитием Европы и чутко реагирующий на него, с восторгом встретил появление Ваших научных работ»⁵.

Поразительное несоответствие между тем уважением и восхищением, которыми пользовался Маркс у русских левых, и их неспособностью принять его идеи в качестве основы своих взглядов и действий, объясняется особенностями русского народничества. Русские радикалы считали Маркса проницательным аналитиком, точно определившим корни и механизмы капиталистического общества в странах Запада. Но, как и правительственные чиновники, они полагали, что его диагноз и его прогнозы неприменимы к России. Что их родина еще не вступила в капиталистическую стадию развития, что ей суждено при-

* Ю. Г. Жуковский (1822—1907) — русский экономист. В 1878 г. в журнале «Отечественные записки» выступил со статьей «Карл Маркс и его книга о капитале». — Прим. ред.

дти к социализму не по рецептам Маркса, а исконно русским путем — таковы были догматы веры народников.

Плеханов испытал влияние Маркса задолго до того, как стал марксистом и принял участие в борьбе за создание социал-демократической партии в России. Фактически, один из основных моментов его первой большой статьи в «Земле и Воле», написанной в защиту народничества, это — почтительное отношение к основателю «научного социализма». Возможно, Дейч был прав, указывая на влияние И. Ф. Фесенко, пропагандиста, читавшего лекции по политической экономии в тайных рабочих кружках и заинтересовавшего Плеханова политической экономией вообще и «Капиталом», в частности⁶. Мы не можем с точностью определить этот вклад, но несомненно, Плеханов был связан с Фесенко⁷. Считалось, что Плеханов прочел капитальный труд Маркса в 1875—1876 гг.⁸; если это так, то похоже, что первое знакомство не оставило глубоких следов в его мировоззрении⁹.

В целом, первое воздействие Маркса на Плеханова, по-видимому, было оказано через посредников, а не напрямую. Если относительно Фесенко существуют сомнения, то роли Бакунина и Зибера в этой связи неоспоримы. Как знающий народник, Плеханов несомненно был знаком с бакунинской «Государственностью и анархией». В этой работе «апостол всеобщего разрушения» подчеркивал свое принятие материалистического понимания истории следующим образом: «...[Маркс.— С. Б.] высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествует и предшествует юридическому и политическому праву. В изложении и в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса»⁹. Позднее Плеханов признавал, что из трудов Бакунина воспринял «великое уважение к материалистическому объяснению истории»¹⁰. В своей первой большой статье Плеханов одобрительно упоминает «одного из талантливейших учеников и популяризаторов Маркса»¹¹; и, хотя имени Плеханов не назвал, это был не кто иной, как Зибер. Учитывая, что народники в общем знали работу Бакунина, однако в их трудах не было того особого отпечатка, какой мы видим в

⁶ О влиянии произведений Маркса на Плеханова, тогда еще бакуниста, см. в его предисловии к 1 т. Сочинений, изданных в 1905 г. в Женеве (Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 19—28). — Прим. ред.

статье Плеханова, довод Рязанова относительно влияния Зиберера можно считать убедительным¹².

Упомянутая статья, в которой общие места народнической программы изложены весьма необычным образом, представляет собой удобную точку отсчета для рассмотрения эволюции идейных взглядов Плеханова в решающий период — 1878—1882 гг. Статья написана в конце 1878 года и опубликована в январе 1879 под заглавием «Закон экономического развития общества и проблемы социализма в России». Судя по заглавию, что подтверждается и содержанием, Плеханов уловил и мастерски использовал основной постулат марксистского исторического материализма о том, что экономическое развитие общества определяет способы его существования и мышления; или, в более общем виде, что бытие определяет сознание, а не сознание — бытие. Используя эту формулу, впоследствии неоднократно повторенную, Плеханов решил закрепить на незыблемой основе ту программу, которой, в общем, придерживались народники. Вслед за Марксом и марксистами, он высмеивал социалистов-«утопистов» тридцатых—сороковых годов, по его утверждению, считавших, что сознание — это все, а жизнь — ничто; что удачный план хорошо сконструированного и четко действующего общества можно претворить в жизнь с помощью одной лишь соответствующей пропаганды, независимо от стадии экономического развития этого общества в данное время и в данном месте¹³. Так же как Маркс «научно» продемонстрировал «неизбежность» зарождения социализма в недрах капитализма, Плеханов хотел доказать неутопический характер анархо-социалистического строя, что намеревались установить народники.

Плехановские откровенные заявления не оставляют никаких сомнений относительно глубокого уважения к автору «Капитала»: «Посмотрим же, к чему обязывает нас учение Маркса, тем более, что это будет очень полезно ввиду необходимости установить исходные пункты нашей программы»¹⁴. Предвидя возражения народников, он утверждает, что марксистские принципы касаются всех типов общества, а не только капиталистического. В отличие от других он понимал, что марксов анализ капитализма представляет собой лишь конкретный случай применения принципов, которые — как следует из схемы Маркса — носят универсальный характер. Но, по его мнению, это утверждение не несет в себе никакой угрозы народнической вере в уникальность общественного развития в России. Марксистские принципы не предписывают всем народам необходимости иметь одинаковую историю;

ибо «переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты точно так же, как одни и те же законы тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом — параболическую орбиту кометы»¹⁵.

Если судьба России отлична от судьбы Запада, в сущности аргументирует он, то это не противоречит марксистским доктринам, а подтверждает их, ибо ее особая судьба определяется особыми материальными условиями общества. В преимущественно аграрном строе России, в качестве основной черты социального ландшафта, Плеханов выделяет мириады крестьянских общин, этих основных единиц общественной организации, которые, по мнению Плеханова, существовали с незапамятных времен. В общине земля находится не в личной, а в коллективной собственности. Из сферы землевладения, столь существенной для аграрного общества, принцип коллективизма распространился на другие области и, в конечном итоге, стал определяющей чертой труда и мировоззрения русского народа. Будущее России по необходимости будет прежде всего определяться сочетанием этой коллективистской ориентации массы народа и векового стремления к свободе от гнета. Будущая революция, которую, побуждая к ней крестьянство, должна начать интеллигенция, передаст землю от государства и дворянства крестьянским общинам. Одновременно крестьянская жажда свободы найдет выражение в разрушении принудительной, централизованной государственной организации и замене ее — снизу доверху — «свободной федерацией свободных (самоуправляющихся) общин». Таким образом, претворится в жизнь анархо-социалистический строй, о котором мечтали народники, и который имеет глубокие корни в существующих народных институтах и ценностях. В этой программе сказано далеко не все, но Плеханов ясно видит возможность установления социализма в России посредством революционной борьбы крестьянства, минуя капиталистическую стадию развития.

Однако, как ни странно, в этой революции Плеханов отводит важную роль городским фабричным рабочим¹⁶, хотя их следовало бы считать продуктом того самого капиталистического способа производства, который, по его утверждению, Россия должна миновать. Он даже считает их более прогрессивным элементом общества, нежели сельское население. Крестьяне в деревне находятся под влиянием «более консервативных и боязливых членов крестьянской семьи», в то время как «городские рабочие... составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизирова-

нию слой населения». Такая характеристика никоим образом не меняет плехановской концепции природы грядущей революции; это будет аграрный переворот, но городским рабочим предназначена роль бесценных союзников крестьян. В момент революции они атакуют правительственные силы в городах, нейтрализуя их и тем самым способствуя распространению и укреплению революционного восстания на селе.

Стараясь сгладить эти противоречия в своей позиции, о наличии которых он смутно подозревал, Плеханов запутывался в других. На поддержку фабричных рабочих в крестьянской революции можно рассчитывать, утверждал он, потому что они сами, в сущности, крестьяне, и разделяют народное стремление к общинному землевладению и «земле и воле». Поскольку их работа носит временный характер, продолжал он, они могут оказать чрезвычайно важное содействие делу революции в качестве посредников между интеллигенцией в городах и крестьянами в деревне. Предполагаемая привязанность рабочих к земле, как и временный характер их работы на фабрике, без сомнения, были для Плеханова свидетельствами невозможности проникновения капитализма в Россию. Однако в той же статье он настаивает на «самостоятельном значении» рабочих для революции, так как все они кровно заинтересованы «прибавкой или уменьшением заработной платы, большей или меньшей прижимкой хозяев и мастеров, большей или меньшей свирепостью городского», и поэтому агитацию среди рабочих необходимо вести «ежедневно и ежечасно на самых мелких даже фактах жизни рабочего». Из положения о том, что они имеют самостоятельные интересы и самостоятельное значение, следует, что фабричные рабочие, как возможные союзники крестьянства, представляют собой более чем временный интерес. Поскольку по образу жизни и мыслей они отличаются от своей родни в сельской местности, считать их крестьянами можно лишь с большой натяжкой. Но пока исходной посылкой Плеханова остается неприступность России для капитализма, он не признает никаких несоответствий в своих доводах.

Сравнивая Россию с Западом, Плеханов бесстрастен и по-научному аналитичен. Если Россия придет к социализму путем, отличным от того, на который, по-видимому, вступил Запад, то это есть лишь следствие упадка крестьянской общины, вместе с которой утасли и коллективистские инстинкты народа на Западе. При замене и того и другого индивидуализмом исчезла и сама возможность для социализма на Западе, вплоть до возникновения (значительно позднее) массового про-

мышленного производства. В результате вызванного им обобществления труда, появления нового экономического базиса общества, возродился тот дух коллективизма, который пришел в упадок на Западе вследствие разрушения общины¹⁷. С распадом общины на Западе народы могут прийти к социализму только через институты и обычаи, создаваемые развитым капитализмом. В России, где сохранилась коллективистская община, и, более того, где нет противоречий, «которые осуждали бы ее на гибель», этот институт еще может служить основой социалистического строя¹⁸. При том, что в своей статье Плеханов пока не выражает сомнений относительно жизнеспособности общины, все явно зависит от этого фактора. Стоит рухнуть общине в России, уже не будет необходимых условий для построения социализма. В этом случае, только утопист может говорить о возможности возникновения социализма в ближайшем будущем.

В работе имеются явные признаки влияния марксизма, но ясно и то, что во время ее написания Плеханов марксистом не был. Незадолго до ее опубликования он охарактеризовал историю России не как «историю классовую борьбу», но, используя термины анархизма, как «непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины и личности»¹⁹. В 1879 году он настолько плохо ориентировался в проблемах социализма на Западе, что объединял Маркса и Энгельса с Родбертусом и Дюрингом, называя их «блестящей плеядой» социализма²⁰, очевидно не зная, что всего за год до этого Энгельс опубликовал свою знаменитую критику Дюринга. Плеханов рассматривал марксистские принципы как неопределимую опору для программы народников. Но это было ошибочное мнение, во всяком случае, частью ошибочное. Он ждал, что революция уничтожит государство и откроет путь к созданию анархо-социалистического порядка, в то время как марксисты считали государство — и именно сильное централизованное государство — необходимым условием для перехода к социализму.

Как видим, Плеханов, в качестве представителя ортодоксального народничества, отрицательно относился к политике и политической борьбе. Для него, как и для его духовного наставника Бакунина, политика была уделом всех, заинтересованных в эксплуатации народа, а государства представляли собой всего лишь институты, облегчающие эту эксплуатацию. Политическая борьба была лишь столкновением разных групп эксплуататоров, стремящихся овладеть властью в государстве. В отличие от них, лица, стоящие за народ, воспринимали общественно-экономические условия и потребности как почву для своей

деятельности. Они стремились удовлетворить чаяния народа через «экономическую» революцию, которая, среди прочих задач, должна уничтожить и орудие принуждения — государство. Употребляя более знакомые нам термины, позиция бакунистов нацеливала на классовую борьбу, ведущую к социальной (и социалистической) революции, а не на борьбу политическую, ведущую к революции политической. Эти два типа революции считались несовместимыми, взаимоисключающими видами борьбы; политическая борьба не имела ничего общего с социализмом. Непреклонное противостояние Плеханова «политикам» в Воронеже было основано на этом убеждении.

В отличие от анархистов, марксисты проявляли живой интерес к политической борьбе, завоеванию политических свобод и, в конечном счете, политического господства. Но, как ни странно, неприязнь Бакунина, а за ним и Плеханова, к политике частично происходила от ошибочного толкования Маркса. Бакунин считал, что если экономический фактор всегда преобладает и, следовательно, государство есть лишь часть общественной надстройки, то нельзя революционизировать общество исключительно через борьбу против государства или его изменение. Только «экономическая» революция способна изменить основы общества²¹.

Где-то к концу 1878 года мировоззрение Плеханова было марксистско-материалистическое по форме и бакунистски-народническое по содержанию. Он мог быть одновременно хорошим народником и сохранять верность марксистским позициям, как он тогда их понимал. Он не видел здесь противоречия. В противном случае, совесть не позволила бы ему проповедовать такие взгляды, ибо уже первой статьей в открытой печати («Неделя», декабрь 1878 г.) он сделал заявку на строгую интеллектуальную последовательность. Так, новоиспеченный писатель упрекал опытных редакторов уважаемых журналов «Слово» и «Отечественные записки» за то, что они публикуют статьи, выражающие диаметрально противоположные точки зрения, ставя им в пример «строгое продуманное и строго определенное направление» журналов «золотого века российской журналистики»²². Плехановское требование последовательности означало, что и ему придется с чем-то расстаться, когда, с течением времени, он убедится в несовместимости народничества и марксизма.

Впервые сомнения относительно идей народничества возникли в связи с неизменными неудачами «Черного Передела». Он не был склонен объяснять эту печальную судьбу одними лишь исключительными

обстоятельствами. Возможно, ошибочны принципы, которые Плеханов столь упорно отстаивал? Еще до отъезда из России в январе 1880 года его сомнения подтвердило знакомство с работой, которая пролила новый, тревожный свет на положение крестьянской общины. Речь идет о труде Орлова «Общинная собственность в московском уезде». К тому времени Плеханов был знаком с последней работой социолога М. М. Ковалевского об истории общинных институтов в ряде стран. Ковалевский указывал, что община приходит в упадок повсеместно по причинам внутреннего характера, и, в особенности, в связи с ростом столкновений интересов бедных и зажиточных групп в ее составе²³. Усилившая эти тревоги книга Орлова представляла неопровержимые доказательства наличия тех же явлений в русской общине. Как впоследствии вспоминала Розалия Марковна: «Не соглашаться с этими цифрами нельзя было. Эту книгу мы читали вместе, останавливались на каждом факте. Я помню страстные комментарии Плеханова по поводу этих фактов, которых он не оспаривал, но был горячо убежден, что горю можно еще помочь массовым революционным взрывом... В это чтение Г. В. вкладывал все существо свое; казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет,— являлся для него вопросом жизни или смерти»²⁴. Это был действительно вопрос жизни и смерти — конечно, не для Плеханова лично, но для народничества, на которое он ставил все. Его безграничная вера в скрытые силы общины, а следовательно, и народничества, уступила место не столь безусловной оценке. В научной статье, которую Плеханов опубликовал примерно тогда же в легальном журнале «Русское богатство», отражена серьезная перемена в его мышлении: «Мы не можем считать разрушение общины неизбежным историческим явлением. При известной комбинации отрицательных влияний, это разрушение, действительно, неизбежно... Но из этого еще не следует, что невозможна другая комбинация условий, при которых община, напротив, стала бы расти и развиваться»²⁵. В этой статье Плеханов вынужден был признать, что положение общины в России не внушает надежд. Происходит экономическая дифференциация крестьянства; община «раскалывается на две части, из которых каждая становится во враждебное отношение друг к другу»; в России возникают элементы капитализма²⁶.

Тем не менее, он настаивал на внешних, а не внутренних причинах распада общины²⁷. Он выделял непомерные поборы государства со скудных крестьянских доходов и эксплуатацию общинщиков крестьян ростовщиками. Многие крестьяне были вынуждены бросать землю и

уходить на заработки на городские промышленные предприятия, которые финансировались на средства, накопленные ростовщиками за счет крестьян. Однако Плеханов полагал, что эти разрушительные воздействия можно нейтрализовать и приостановить «сознательно-позитивным отношением» крестьянства и интеллигенции к общине²⁸. В переводе с эзопова языка подпольной печати это означало, что общину можно спасти, если социалистам удастся разжечь революцию; поэтому они должны направить свои усилия на то, чтобы убедить крестьян перейти «от пассивного ожидания „Черного Передела“ до активных требований»²⁹. Ввиду чрезвычайно сомнительных шансов на такое воспламенение в конце 1879 года, перспективы народничества практически сводились к нулю. Едва ли следует удивляться тому, что работа Орлова «сильно поколебала» народнические убеждения Плеханова, как он сам указывал впоследствии³⁰.

Ему безусловно не хотелось уезжать за границу, как уговаривали его друзья, именно в этот момент. Ибо, по его понятиям, отказ от агитации среди крестьян, при всех ее трудностях, означал списание со счетов крестьянской общины и будущего аграрного социалистического общества. С другой стороны, при всем желании вести агитацию в серьезных масштабах больше было невозможно. Если он останется в России, вряд ли ему удастся поднять народную революцию в одиночку. Как убеждали друзья, он только станет легкой добычей жандармов.

Когда Плеханов уезжал из России, Розалия Марковна не сопровождала его. Она только что родила первого ребенка — дочь Веру и, возможно, не считала разумным брать младенца в столь длительное путешествие*. Кроме того, после пяти лет занятий медициной не хотелось отказываться от сдачи выпускных экзаменов. С дипломом всегда можно прокормить себя, а если понадобится, и семью. И прошло полгода после отъезда Плеханова, прежде чем она уступила его просьбам и приехала в Женеву. Розалия Марковна тоже была революционеркой, и ей трудно было преодолеть ощущение, несмотря на разумность всех доводов, что Плеханов оставил революцию³¹. В конце концов, она прислушалась к совету друзей, сумела преодолеть свои сомнения и порывы и убедить себя в том, что отъезд с ним в эмиграцию не будет предательством народного дела**.

* Ребенок умер на первом году жизни. У Плехановых было еще трое детей, все девочки. Одна из них умерла от менингита в возрасте 5 лет.

** Официально брак Р. М. и Г. В. Плехановых был заключен в 1908 г.

Что касается самого Плеханова, то, убедившись в том, что положение в России пока безнадежно, он увидел и положительные стороны поездки за границу. Возможно, он утешался той мыслью, что распад общины займет не недели и не месяцы, а он скоро вернется домой. Тем временем основания его идейных убеждений были поколеблены до такой степени, что он ощущал некоторую неопределенность. Сознательная недостаточность своих знаний и трудности получения их в России при существовавших запретах, он радовался возможности поездки на Запад. Там он мог без всяких препон найти информацию, которая разрешит его сомнения, подтвердит его взгляды и упрочит теоретические основания. Полушуга он заметил, что едет за границу «учиться и достичь там до ученой степени магистра или доктора»³².

В первой статье, написанной после приезда в Женеву, Плеханов кратко выразил занимавшие его мысли. В описании жизни преследуемых в России революционеров мы узнаем его собственный опыт и его реакцию:

«До невероятности напряженная борьба с правительством не позволяет социалисту-революционеру спокойно заниматься пополнением пробелов в его образовании. У него нет для этого ни времени, ни подходящих условий. Попавши с самых молодых лет под огонь полицейских преследований, он часто не имеет даже комнаты, которую он мог бы назвать своею. Целые месяцы, а иногда и годы, он не имеет определенного местожительства. Он ведет скитальческий образ жизни и, вставши утром, не всегда знает, где найдет приют на следующую ночь. При таких условиях умственные занятия, если не совершенно невозможны, то крайне затруднены»³³.

В этом отрывке виден интеллектуальный подход Плеханова к революции, его неспособность довольствоваться революционной деятельностью, не подкрепленной прочными фундаментальными знаниями. Эта черта характера проявляется еще ярче, если отметить, что при всем осознании собственной несостоятельности, Плеханов был гораздо образованнее всех революционеров в «Земле и Воле» и выросших из нее организациях. В первые годы революционной деятельности он часто уединялся в библиотеке для продолжения самообразования. Вскоре после приезда за границу он поражал эрудицией в разных областях знаний таких почтенных товарищей по эмиграции, как историк и бывший приват-доцент Киевского университета М. П. Драгоманов, или географ и антрополог Л. И. Мечников³⁴; а скоро это признали и прославленные писатели Лавров и Михайловский.

Несмотря на серьезное увлечение Плеханова умственной работой, центр тяжести его деятельности перед отъездом из России составляла практическая работа. После отъезда за границу фокус его работы переместился резко и навсегда в сферу теории и академических исследований. Ушли в прошлое переодевания и фальшивые документы, револьверы и кастеты, все атрибуты его полного опасностей существования в последние три года. Теперь он перешел к образу жизни, более соответствующему его природным наклонностям. Новая жизнь была не без трудностей, но это были трудности совершенно иного рода, чем те, что он знал в революционном подполье. Теперь и он мог припасть к источнику знаний, который никогда не переставал манить его, даже в те горькие дни, когда все чувства и силы направлялись исключительно на то, чтобы выжить.

Однако, вопреки его ожиданиям, занятия на Западе не укрепили его веру в народничество. Напротив, его система, прежде поколебленная неудачами «Черного Передела», а затем открытиями Орлова, получила на Западе третий и окончательный удар. Опыт жизни на Западе и растущее знакомство с западными социалистическими идеями и послужили основанием для критики того «российского социализма», знаменосцем которого он был прежде. Оглядываясь назад, Плеханов вспоминал, что «чем более знакомились мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество, как со стороны теории, так и со стороны практики»³⁵.